

ЭВОЛЮЦИЯ МОНЕТАРНОЙ И МНОГОМЕРНОЙ БЕДНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРНЫХ ФАКТОРОВ

Султанова Гавхар

Университет мировой экономики и дипломатии

ORCID: 0000-0001-6747-9448

gsultanova@uwed.uz

Аннотация. В данной статье рассматривается динамика денежной и многомерной бедности в Центральной Азии на основе сравнительного анализа данных Всемирного банка и Глобального индекса многомерной бедности. Исследование анализирует современные модели сокращения бедности в Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане и Туркменистане, подчеркивая, как достижения, так и сохраняющиеся структурные препятствия. Несмотря на существенное сокращение денежной бедности благодаря экономическому росту, трудовым доходам, денежным переводам и социальным трансферам, индексы многомерной бедности указывают на сохраняющийся дефицит уровня жизни и доступа к основным услугам. Результаты показывают значительную межстрановую вариативность и подчеркивают необходимость согласованной политики по борьбе с бедностью, сочетающей повышение доходов с инвестициями в человеческий капитал и социальную инфраструктуру.

Ключевые слова: бедность, монетарная бедность, многомерная бедность, международная черта бедности, индекс многомерной бедности, социальная защита, Центральная Азия.

MARKAZIY OSIYODA MONETAR VA KO'P O'LCHAMLI KAMBAG'ALLIKNING EVOLYUTSIYASI: TARKIBIY OMILLARNING QIYOSIY TAHLILI

Sultanova Gavxar

Jahon iqtisodiyoti va diplomatiya universiteti

Аннотация. Ushbu maqolada Jahon banki ma'lumotlari va Global ko'p o'lchovli kambag'allik indeksining qiyosiy tahlili yordamida Markaziy Osiyodagi monetar va ko'p o'lchovli kambag'allik dinamikasi o'rganilgan. Tadqiqotda Qozog'iston, Qirg'iziston, Tojikiston, O'zbekiston va Turkmanistondagi mavjud kambag'allikni pasaytirish modellari tahlil qilingan, bu sohadagi yutuqlar va tarkibiy to'siqlar ko'rsatilgan. Iqtisodiy o'sish, mehnat daromadlari, pul o'tkazmalari va ijtimoiy transfertlar tufayli monetar kambag'alligining sezilarli darajada kamayishiga qaramay, ko'p o'lchovli kambag'allik indekslari turmush darajasi va asosiy xizmatlardan foydalanishdagi doimiy kamchiliklarni ko'rsatadi. Natijalar mamlakatlararo sezilarli o'zgaruvchanlikni ko'rsatadi va daromadlarning oshishini inson kapitali va ijtimoiy infratuzilmaga investitsiyalar bilan birlashtirgan muvofiqlashtirilgan kambag'allikka qarshi siyosat zarurligini ta'kidlaydi.

Калит so'zlar: kambag'allik, monetar kambag'allik, ko'p o'lchovli kambag'allik, xalqaro kambag'allik chegarasi, ko'p o'lchovli kambag'allik indeksi, ijtimoiy himoya, Markaziy Osiyo.

EVOLUTION OF MONETARY AND MULTIDIMENSIONAL POVERTY IN CENTRAL ASIA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF STRUCTURAL FACTORS

Sultanova Gavkhar

University of World Economy and Diplomacy

Abstract. *This article examines the dynamics of monetary and multidimensional poverty in Central Asia through a comparative analysis utilizing World Bank and Global Multidimensional Poverty Index data. The research analyzes contemporary poverty patterns in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Uzbekistan, and Turkmenistan, emphasizing both advancements and enduring structural obstacles. Despite a substantial reduction in monetary poverty due to economic growth, labor income, remittances, and social transfers, multidimensional poverty indices indicate persistent deficiencies in living standards and access to essential services. The results reveal significant cross-national variability and highlight the necessity for cohesive poverty alleviation policies that merge income enhancement with investments in human capital and social infrastructure.*

Keywords: *poverty, monetary poverty, multidimensional poverty, international poverty line, multidimensional poverty index, social protection, Central Asia.*

Введение.

Центральная Азия представляет собой быстро развивающийся регион, для которого борьба с бедностью является основополагающим направлением национальных стратегий развития и социальной политики. За последние десять лет страны региона добились значительных успехов в сокращении бедности благодаря экономическому росту, структурным реформам и совершенствованию систем социальной защиты. Природа бедности в Центральной Азии становится все более сложной, охватывая не только лишения дохода, но и недостатки в образовании, здравоохранении, жилищных условиях и доступе к основным услугам. Эта сложность требует аналитических моделей, выходящих за рамки традиционных финансовых показателей.

Денежная бедность, обычно оцениваемая с помощью национальных или международных пороговых значений бедности, служит важным критерием для межстрановых сравнений и мониторинга реализации принимаемых мер. Вместе с тем, одни только показатели, основанные на доходе, дают недостаточное представление о благополучии человека, особенно в экономиках, характеризующихся неформальной занятостью, потоками доходов, обусловленными миграцией, и неравным доступом к государственным услугам. В свете этих ограничений многомерный подход к проблеме бедности стал дополнительным инструментом, охватывающим пересекающиеся лишения в основных аспектах человеческого развития.

В данной статье проведен сравнительный анализ тенденций монетарной и многомерной бедности в Центральной Азии. В работе рассматривается временной период, в течение которого доступны согласованные и сопоставимые на международном уровне данные, с акцентом как на преобладающие региональные тенденции, так и на различные национальные особенности. Особое внимание уделяется структурным факторам, определяющим сокращение бедности, включая результаты на рынке труда, демографические характеристики, миграцию и денежные переводы, неравенство между городами и сельской местностью, а также влияние государственной политики.

Основная цель исследования – оценить эффективность мер по сокращению бедности в Центральной Азии в контексте общего повышения уровня жизни и развития человеческого потенциала. В статье предпринимается попытка выявить структурные

ограничения, которые могут поставить под угрозу устойчивость последних достижений, одновременно изучая монетарную и многомерную бедность, что позволит разработать политические меры, способствующие инклюзивному росту и достижению Целей устойчивого развития.

Статья состоит из следующих разделов. Во втором разделе представлен краткий обзор литературы по теме исследования. В третьем разделе излагается методология исследования. В четвертом разделе представлены результаты сравнительного анализа. В пятом разделе обобщены выводы и предложены рекомендации.

Обзор литературы.

Исследования показывают, что бедность в Центральной Азии возникает из-за взаимосвязанных проблем, включая недостатки в образовании, неэффективность рынка труда, демографическое давление, неравенство в доходах и недостаточный институциональный потенциал.

Аржаев и др. (2022) утверждают, что сохранение бедности в регионе обусловлено двумя взаимосвязанными «порочными кругами»: один включает факторы, поддерживающие бедность (недостаток образования, дисфункция рынка труда, хрупкие институты), а другой связывает бедность с ее последствиями (ухудшение здоровья, социальная изоляция, снижение экономической активности).

Abdurakhmanov и др. (2024a) изучают бедность в Центральной Азии с помощью комплексной модели, которая интегрирует демографические, экономические и институциональные переменные. Их исследование показывает, что для всесторонней оценки бедности в регионе необходимо учитывать сложные обратные связи между благополучием населения, экономической структурой и качеством управления. Эта точка зрения соответствует обширным теоретическим достижениям в исследованиях бедности, которые подчеркивают многомерные рамки лишений и возможностей.

Ряд исследований изучали корреляцию между экономическим ростом и сокращением бедности, указывая на то, что эта взаимосвязь не является ни безусловной, ни постоянной среди стран Центральной Азии (Abdurakhmanov и др., 2024b; Usmanova, 2023). Данные свидетельствуют о том, что эластичность роста по отношению к бедности значительно колеблется в зависимости от структуры экономического роста, методов распределения и уровня вовлеченности неформального сектора.

Концепция демографического дивиденда использовалась при изучении бедности в Центральной Азии (Kurbanova, 2022a, 2022b). Этот метод анализирует влияние изменений в возрастной структуре, в частности, соотношения трудоспособного населения к иждивенцам, на уровень бедности и потенциал экономического развития. Демографические изменения в Центральной Азии открывают как возможности, так и проблемы, при этом потенциальные преимущества зависят от инвестиций в образование, здравоохранение и создание рабочих мест.

Точная оценка бедности остается критической проблемой для стран Центральной Азии, существенно влияющей на разработку и оценку политики. Pritvogova и др. (2023) проводят тщательный анализ абсолютного измерения денежной бедности в Казахстане, представляя обширную систему показателей и исследуя методы ее реализации. Их анализ показывает, что существующие методологии оценки сталкиваются с ограничениями, касающимися качества данных, установления пороговых значений и включения неденежных аспектов лишений. Эти методологические ограничения иллюстрируют более широкие региональные проблемы, касающиеся статистики бедности (Аржаев и др., 2022).

Дискурс об измерении выходит за рамки технических аспектов и включает концептуальные вопросы, касающиеся определения бедности в контексте Центральной

Азии. Omir и др. (2024) сосредотачиваются на выявлении и оценке дефицита денежных доходов среди населения Казахстана, используя методологии, разработанные для количественной оценки несоответствия между фактическими доходами и основными потребностями существования. Эта методология, хотя и эффективна для выявления потребностей в социальной помощи, может недооценивать бедность, исключая домохозяйства, которые соответствуют основным критериям дохода, но испытывают другие формы лишений.

Эмпирические исследования тенденций бедности представляют собой сложную и разнообразную картину во всем регионе. Abdurakhmanov и др. (2024b) анализируют динамику бедности за 11-летний период, фиксируя как достижения, так и сохраняющиеся трудности. Их данные показывают, что, хотя абсолютные показатели бедности снизились в большинстве стран Центральной Азии с 2000 года, темпы снижения были непоследовательными и подверженными экономическим потрясениям.

Несостоятельность рынка труда является основной причиной бедности в Центральной Азии, при этом бедность среди работающего населения представляет собой особенно серьезную проблему. Yeskendir и др. (2024) представляют всестороннее исследование бедности среди работающего населения в Казахстане, выделяя структурные факторы, такие как недостаточная оплата труда в определенных отраслях, неформальная занятость без социального обеспечения и несоответствие квалификации. Их выводы свидетельствуют о том, что одна только занятость не гарантирует освобождения от бедности, тем самым опровергая традиционные представления о взаимосвязи бедности и занятости.

Частота неформальной работы представляет собой важный аспект бедности, связанный с рынком труда. Nowak (2020) анализирует тенденции инклюзивного роста в быстро развивающихся странах Азии, особенно в странах Центральной Азии, и определяет участие в неформальной экономике как существенное препятствие для сокращения бедности. Люди, занятые в неформальной экономике, как правило, не имеют доступа к социальному страхованию, испытывают финансовую нестабильность и сталкиваются с ограниченными перспективами повышения квалификации или профессионального роста. Масштабы неформального сектора различаются в отдельных странах Центральной Азии, но значительны во всех, особенно в сельском хозяйстве и сфере услуг.

Занятость в сельском хозяйстве создает особые проблемы для борьбы с бедностью. Значительная часть малоимущих людей в Центральной Азии занимается натуральным или мелкомасштабным сельским хозяйством, сталкиваясь с такими проблемами, как деградация земель, нехватка воды, ограниченный доступ к капиталу и технологиям, а также уязвимость к климатическим потрясениям. Mirzabaev и др. (2023) изучают влияние деградации земель на рентабельность сельского хозяйства и бедность в Центральной Азии, показывая, что деградация окружающей среды напрямую ставит под угрозу средства к существованию сельского населения и поддерживает циклы бедности.

Безработица непропорционально затрагивает определенные демографические группы, особенно молодежь и женщин. Несовпадение между результатами образования и требованиями рынка труда усиливает безработицу и неполную занятость, тем самым способствуя бедности и социальному недовольству (Аржаев и др., 2022; Abdurakhmanov и др., 2024a).

Образование является как определяющим фактором, так и следствием бедности в странах Центральной Азии, представляя собой важный элемент системной модели бедности. Аржаев и др. (2022) выделяют образование как одну из трех основных общественных сфер (наряду с рынками труда и институтами развития), где системные изменения могут разорвать циклы бедности. Связь между образованием и бедностью

двусторонняя: бедность ограничивает доступ к образованию и достижениям, в то время как недостатки в образовании препятствуют экономическим перспективам и поддерживают цикл межпоколенческой бедности.

Обеспокоенность качеством образовательных систем представляет собой существенную проблему во всем регионе. Несмотря на стабильно высокие показатели охвата образованием, результаты обучения и развитие навыков не соответствуют требованиям рынка труда. Дефицит навыков усугубляет безработицу и неполную занятость среди образованной молодежи, снижая потенциал образования как средства выхода из бедности.

Доступ к образованию неравномерен, при этом сельские жители, этнические меньшинства и дети из малоимущих семей сталкиваются с особыми препятствиями. Эти неравенства в доступе к образованию сохраняют устоявшиеся модели социальной стратификации и препятствуют социальной мобильности. Исправление неравенства в образовании требует не только расширения доступа, но и повышения качества, актуальности и соответствия экономическим перспективам (Аржаев и др., 2022; Abdurakhmanov и др., 2024b).

Демографическая динамика оказывает многогранное влияние на бедность в Центральной Азии. Kurbanova (2022a, 2022b) в своем исследовании влияния демографических изменений на бедность в Центральной Азии приходит к выводу, что связь зависит от одновременных затрат на человеческий капитал и развитие рабочих мест. Растущее трудоспособное население должно быть обеспечено продуктивной занятостью, а коэффициенты демографической нагрузки должны приносить ощутимые экономические выгоды. В отсутствие таких условий демографический сдвиг может привести к безработице среди молодежи и социальной нестабильности.

Kurbanova (2024) предлагает обширное исследование демографического дивиденда в Центральной Азии, изучая взаимодействие между изменениями в структуре населения, экономическим развитием и динамикой бедности. Исследование показывает, что страны Центральной Азии находятся на разных этапах демографического перехода, что влияет на усилия по борьбе с бедностью. Страны с молодой демографической структурой и высокими показателями рождаемости сталкиваются с иными проблемами по сравнению со странами, более продвинутыми в демографическом переходе.

Миграция является важным демографическим фактором, влияющим на бедность. Трудовая миграция, особенно в Россию и Казахстан из различных стран Центральной Азии, выступает в качестве важнейшей стратегии борьбы с бедностью для многих домохозяйств. Денежные переводы служат важным источником дохода для семей в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане. Однако такая зависимость порождает уязвимость перед внешними экономическими потрясениями и может иметь неоднозначные последствия для долгосрочного развития.

Обзор литературы показывает, что бедность в Центральной Азии превратилась в системную проблему, определяемую взаимосвязанными элементами, порождающими самоподдерживающиеся циклы лишений. Системная структура этой проблемы имеет существенные последствия для разработки политики, указывая на то, что изолированные инициативы, направленные на устранение отдельных причин, вряд ли приведут к полному искоренению бедности. Необходимы комплексные меры, одновременно охватывающие многие аспекты, включая образование, рынок труда, социальную защиту и институциональное развитие.

Методология исследования.

В статье представлен подробный сравнительный анализ динамики и ключевых драйверов сокращения бедности в странах Центральной Азии. Анализ основан на последних доступных данных и гармонизированных показателях, что позволяет выявить как общие региональные тренды, так и уникальные национальные особенности.

Для сопоставления масштабов монетарной бедности в различных странах Всемирным банком используется международная черта бедности, последний пересмотр которой произошёл в июне 2025 г. Согласно обновленным оценкам, международная черта бедности для стран с низким уровнем дохода составляет \$3 на человека в день, для стран с уровнем дохода ниже среднего – \$4,2 в день, а для стран с уровнем дохода выше среднего – \$8,3 в день (World Bank, 2025a). Оценки уровня бедности Всемирного банка на основе данного показателя отличаются от национальных оценок бедности в Центральной Азии в связи с тем, что каждая страна использует официальные показатели уровня бедности, учитывающие местные структуры доходов или потребления. Сопоставление данных по бедности в странах Центральной Азии связано с определенными сложностями. Во-первых, каждая страна определяет свою национальную черту бедности на основе разной методологии. Во-вторых, международная черта бедности, учитывает уровень дохода на душу населения. По классификации Всемирного банка, опирающейся на показатель валового национального дохода на душу населения, Казахстан относится к числу стран с уровнем дохода выше среднего, а Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан входят в группу стран с уровнем дохода ниже среднего (World Bank, 2025b), поэтому к ним применяются разные международные черты бедности (\$8,3 и \$4,2 на человека в день, соответственно). В-третьих, период доступных данных на платформе «Бедность и неравенство» Всемирного банка по странам Центральной Азии отличается, а данные по Туркменистану отсутствуют. В связи с этим в анализе сравниваются темпы снижения уровня монетарной бедности в странах Центральной Азии за 2016-2024 гг. на основе применения международной черты бедности (\$8,3 в день для Казахстана и \$4,2 в день для остальных стран).

В качестве альтернативного измерения уровня бедности для международных сравнений применяется также индекс многомерной бедности – комплексный показатель, отражающий лишения в ключевых сферах жизни человека. Такой подход позволяет выявить не только нехватку дохода, но и лишения в таких сферах, как здравоохранение, образование и базовые условия жизни, что является основой для разработки более точечной и эффективной социальной политики (OPNI, 2025).

ИМБ измеряет многомерную бедность путем оценки лишений, с которыми регулярно сталкивается домохозяйство, по 10 показателям, сгруппированным в три равнозначных измерения (табл. 1).

Для классификации населения используются следующие пороговые значения общего балла лишений: 1) многомерно бедные (балл лишений составляет 1/3 или более); 2) уязвимые к многомерной бедности (балл лишений находится в диапазоне от 1/5 до 1/3); 3) в условиях серьезной многомерной бедности (балл лишений составляет 1/2 или более).

Таблица 1

Ключевые измерения бедности в ИМБ

Измерение бедности	Показатели бедности	Условие фиксирования лишения	Вес индикатора
Здоровье (1/3)	Питание	В домохозяйстве проживает хотя бы один взрослый или ребенок с признаками недостаточного питания	1/6
	Детская смертность	В домохозяйстве за последние пять лет произошла смерть ребенка или подростка в возрасте до 18 лет.	1/6
Образование (1/3)	Продолжительность обучения	Ни один из членов домохозяйства не имеет как минимум шести лет законченного школьного образования.	1/6
	Посещаемость школы	Ребенок школьного возраста не посещает школу вплоть до класса, соответствующего его возрасту.	1/6
Уровень жизни (1/3)	Топливо для приготовления пищи	Домохозяйство использует твердое топливо (навоз, древесина, уголь) для приготовления пищи.	1/18
	Санитария	Санитарные условия не соответствуют улучшенным стандартам или являются общими с другими домохозяйствами.	1/18
	Питьевая вода	Источник питьевой воды не является безопасным или время на дорогу до него и обратно превышает 30 минут.	1/18
	Электричество	В домохозяйстве отсутствует доступ к электроэнергии.	1/18
	Жилье	Недостаточные жилищные условия, определяемые по материалам пола, крыши и стен.	1/18
	Активы	Домохозяйство не владеет более чем одним из базовых активов (радио, телевизор, телефон, компьютер, транспортное средство) и не имеет автомобиля.	1/18

Источник: составлено автором на основе ОРНИ.

В статье проведен анализ многомерной бедности в странах Центральной Азии, основанный на данных Глобального индекса многомерной бедности (ИМБ), опубликованных Программой развития ООН (ПРООН) в 2025 г. (UNDP, 2025). Годы проведения обследований домохозяйств в отдельных государствах Центральной Азии существенно различаются, что ограничивает прямую сопоставимость данных между странами. Вместе с тем, такой подход дает возможность проанализировать профиль бедности каждой страны в определенный момент ее уникальной траектории развития.

Анализ и обсуждение результатов.

В последние годы страны Центральной Азии демонстрируют тенденцию к сокращению уровня бедности, подкрепленную ростом экономической активности и адресными мерами социальной поддержки, однако движущие силы, темпы и устойчивость этого прогресса остаются неоднородными внутри региона. Каждая страна демонстрирует уникальную траекторию сокращения бедности, обусловленную структурой экономики, государственной политикой и внешними факторами. В таблице 2 представлены последние имеющиеся на сегодняшний день данные по бедности в странах Центральной Азии.

Таблица 2

**Уровень бедности в странах Центральной Азии
(% от численности населения)**

Показатели	Казахстан	Кыргызстан	Таджикистан	Узбекистан
Уровень бедности по национальной черте	5 (2024)	25,7 (2024)	19,8 (2024)	8,9 (2024)
Уровень бедности по международной черте:	0 (2021)	2,7 (2023)	6,1 (2024)	2,7 (2024)
\$3 в день	0,3 (2021)	16,4 (2023)	16,9 (2024)	5,1 (2024)
\$4,2 в день	15,2 (2021)	72,1 (2023)	55,4 (2024)	20,7 (2024)
\$8,3 в день				
Уровень многомерной бедности	0,1 (2018)	4,5 (2022)	14,1 (2015)	2,7 (2024)

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.

По оценкам Всемирного банка, в последние восемь лет в Казахстане наблюдается отрицательная динамика уровня бедности, однако она не является устойчивой. Доля населения, живущего менее, чем на \$8,3 в день упала с 29% в 2016 г. до 15% в 2021 г., чему в первую очередь способствовал рост доходов от наемного труда (World Bank, 2025c). Согласно официальным оценкам, уровень бедности в стране вырос с 2,5% до 5% за период с 2016 по 2024 гг. (Бюро национальной статистики Республики Казахстан, 2025). Национальная черта бедности в Казахстане определена на уровне 35% от медианного дохода населения, но не ниже 70% от регионального прожиточного минимума (50851 тенге на декабрь 2025 г.). Вместе с тем, по мнению экспертов, эта черта бедности значительно ниже международных стандартов, что приводит к занижению официальных оценок масштабов бедности в стране (Кабжалялова, 2023). Так, если количество бедного населения в Казахстане по национальной черте бедности составило более 1 млн чел в 2024 г., то по данным обследования Всемирного банка, около 3 млн чел живут в бедности (World Bank, 2025c). Самый высокий уровень бедности наблюдается в Туркестанской, Абайской и Жетысуской областях, при этом в сельской местности бедность более распространена, чем в городах (Бюро национальной статистики Республики Казахстан, 2025). По прогнозам Всемирного банка, при реализации оптимистичного сценария ожидается снижение уровня бедности в Казахстане до 8,2% в 2025 г., 7% в 2026 г. и 6,2% в 2027 г. (World Bank, 2025c).

В Кыргызстане также наблюдается прогресс в снижении бедности. Уровень бедности, рассчитанный на основе международной черты бедности в \$4,2 в день, сократился с 30% в 2016 г. до 16% в 2023 г. (World Bank, 2025d). Национальная черта бедности в Кыргызстане в 2024 г. составляла 65417 сомов в год на душу населения, при этом черта крайней бедности – 41349 сомов в год. Рассчитанный на основе данного показателя уровень бедности составил 25,7% в 2024 г., что на 4,1 процентных пункта ниже значения 2023 г. За чертой бедности в 2024 г. проживали 1 млн. 871 тыс. человек, из которых почти 62% являлись жителями сельской местности (Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2025). Ключевыми драйверами

снижения уровня бедности в Кыргызстане являлись устойчиво высокие темпы экономического роста и повышение реальных доходов населения. Анализ источников дохода показывает, что в 2021-2023 гг. рост заработной платы обеспечил около 3/4 сокращения бедности, а увеличение пенсий – еще около 1/5. Это подчеркивает критическую роль рынка труда и системы социальной защиты в повышении благосостояния населения. Всемирный банк ожидает дальнейшее снижение уровня бедности в Кыргызстане до 9,5% в 2025 г. и 8% в 2026 г. на фоне экономического роста и реализации программ социальной защиты. Однако при негативном влиянии роста инфляции, сокращения потока внешней трудовой миграции и усиления региональных диспропорций прогресс может замедлиться (World Bank, 2025d).

По данным Всемирного банка уровень бедности в Таджикистане сократился с 23% в 2021 г. до 17% в 2024 г. (World Bank, 2025e). По официальным данным, национальный уровень бедности сократился с 30% в 2016 г. до 19,8% в 2024 г. За тот же период доля среднего класса увеличилась более чем в 4 раза – с 8% до 33% населения. Эти достижения соответствуют Национальной стратегии развития Таджикистана до 2030 г., которая направлена на сокращение уровня бедности до менее 10% и увеличение доли среднего класса до 50% населения.

Общая черта бедности в Таджикистане определяется методом «стоимости основных потребностей» как сумма двух компонентов: продовольственной черты бедности (средняя стоимость 2250 Ккал в день на человека) и компонента непродовольственного потребления. Национальная черта бедности составляет 16,02 таджикских сомони на человека в день в ценах 2023 г., или \$6,62 по ППС в ценах 2021 г., что выше международной черты бедности в \$4,2 в день (World Bank, 2025e). Характерно, что при численности малообеспеченного населения свыше 2 млн чел согласно национальной методологии, оценки на базе международных критериев бедности фиксируют более низкий показатель – порядка 1,8 млн чел в 2024 г. 73% сокращения бедности в Таджикистане было обеспечено ростом трудовых доходов. Однако прогресс в снижении уровня бедности объясняется в большей степени ростом заработной платы на уже существующих рабочих местах, чем созданием новых рабочих мест. Денежные переводы мигрантов также играют существенную роль в выведении домохозяйств из бедности и расширении среднего класса. В 2024 г. их объем составил около 44% ВВП, обеспечив 39% общего сокращения бедности и 24% расширения среднего класса (World Bank, 2025f).

Узбекистан достиг быстрого прогресса в сокращении бедности. За период 2021-2024 гг. уровень бедности, рассчитанный на основе международной черты бедности в \$4,2 в день, снизился с 9% до 5% (World Bank, 2025h). Показатель уровня бедности, рассчитанный на основе национальной черты бедности, снизился с 17% в 2021 г. до 8,9% в 2024 г., или почти в два раза за относительно короткий период, что свидетельствует о высокой результативности политики, проводимой в данном направлении (CERR, 2025). Национальная черта бедности (669 тыс. сумов в 2025 г.), официально введенная в 2021 г., устанавливается на уровне стоимости приобретения потребительского набора, обеспечивающего 2200 калорий на человека в день, а также стоимости других непродовольственных товаров и услуг первой необходимости (минимальные потребительские расходы). Благодаря последовательным реформам в направлении повышения благосостояния населения Узбекистана 8,5 млн чел выведены из состояния бедности (Президент Республики Узбекистан, 2025а).

Ключевыми факторами снижения бедности в стране стали рост уровня заработных плат, доходов от предпринимательской деятельности и сельского хозяйства, социальные выплаты населению и повышение уровня занятости (World Bank, 2025h). При этом темпы сокращения бедности в сельской местности были более высокими, чем в городской, что также выгодно отличает Узбекистан от других стран

региона. С 2021 г. из бедности вышло около 1,7 млн жителей сельской местности по сравнению с 0,8 млн в городах (Бердикличев и Уочи, 2025). К концу 2025 г. уровень бедности снизился до 5,8%, при это почти 1,5 млн чел вышли из бедности (Президент Республики Узбекистан, 2025а).

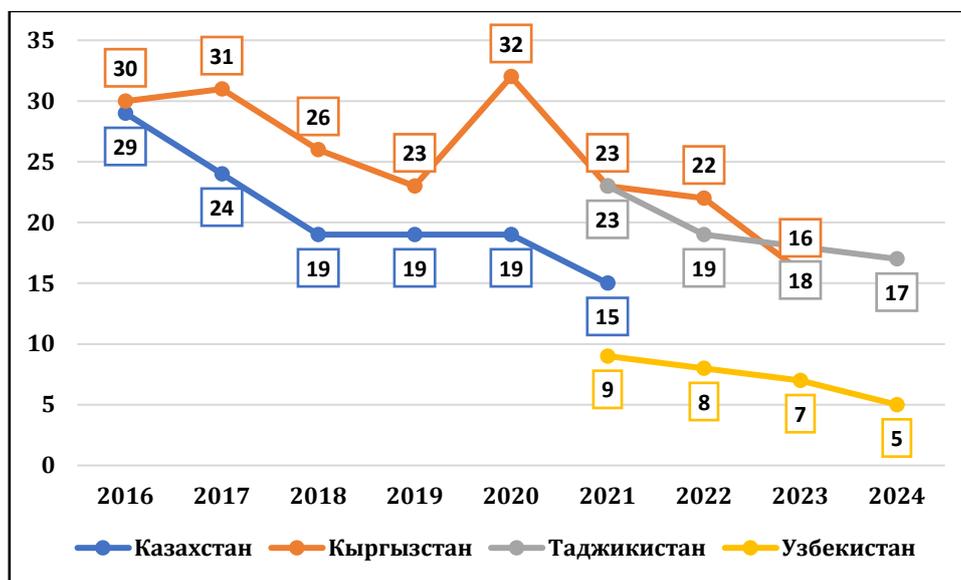

Рисунок 1. Динамика уровня бедности в странах Центральной Азии

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка.

Борьба с бедностью требует реализации комплексного подхода, учитывающего не только монетарные аспекты бедности, но и немонетарные индикаторы. С этой целью дальнейший анализ основан на применении ИМБ для определения структуры и характера лишений, оценки уязвимости населения стран Центральной Азии и сопоставления многомерных показателей с монетарной бедностью.

Таблица 3

Сводные показатели многомерной бедности в Центральной Азии

Страна	Год исследования	Значение ИМБ	Доля населения в условиях многомерной бедности (%)	Интенсивность бедности (%)	Доля уязвимого населения (%)
Таджикистан	2017	0.029	7.4%	39.0%	20.1%
Узбекистан	2021/2022	0.006	1.7%	35.3%	0.2%
Кыргызстан	2023	0.003	1.0%	35.2%	5.1%
Казахстан	2015	0.002	0.5%	35.6%	1.8%
Туркменистан	2019	0.001	0.2%	34.0%	0.3%
Европа и Центральная Азия	-	0.006	1.5%	37.1%	3.3%

Источник: составлено автором на основе данных ПРООН.

Таджикистан демонстрирует самые высокие показатели как по значению ИМБ (0,029), так и по доле многомерно бедного населения (7,4%), что в несколько раз превышает средний уровень по региону Европа и Центральная Азия (таблица 3). Туркменистан, напротив, имеет самые низкие показатели в регионе – доля многомерно бедного населения составляет всего 0,2%, а значение ИМБ – 0,001. Казахстан (0,5%) и

Кыргызстан (1,0%) имеют относительно низкие уровни многомерной бедности, а Узбекистан (1,7%) находится на уровне среднего показателя для Европы и Центральной Азии (1,5%). При этом интенсивность бедности (средняя доля лишений среди бедных) в Таджикистане (39%) выше, чем в других странах региона (34-36%).

Таблица 4

Вклад измерений в общий показатель многомерной бедности (%)

Страна	Здравоохранение	Образование	Уровень жизни
Казахстан	90.4	3.1	6.4
Кыргызстан	49.9	22.4	27.7
Таджикистан	47.8	26.5	25.8
Туркменистан	82.4	15.5	2.1
Узбекистан	94.5	0.0	5.5

Источник: составлено автором на основе данных ПРООН.

Декомпозиция ИМБ по его трем основным измерениям позволяет оценить вклад здравоохранения, образования и уровня жизни в общую картину бедности в странах Центральной Азии. Лишения в сфере здравоохранения вносят подавляющий вклад в общий показатель ИМБ в Узбекистане (94,5%), Казахстане (90,4%) и Туркменистане (82,4%). Вклад образования и уровня жизни в этих странах относительно небольшой. При этом вклад лишений в сфере образования в Узбекистане составляет 0%, что свидетельствует о высоких показателях охвата образованием даже среди беднейших домохозяйств (таблица 4). В странах с доминирующим вкладом здравоохранения усилия по сокращению многомерной бедности должны быть сфокусированы на решении проблем, связанных со здоровьем, таких как недостаточное питание и детская смертность.

Профиль бедности Кыргызстана и Таджикистана существенно отличается от других стран региона. Хотя вклад здравоохранения в ИМБ составляет около половины значения, вклад образования и здравоохранения также значителен. Например, в Таджикистане вклад здравоохранения составляет 47,8%, образования – 26,5%, а уровня жизни – 25,8%. Аналогичная картина наблюдается в Кыргызстане (таблица 4). Это свидетельствует о том, что бедность в этих странах носит более комплексный и системный характер, что коррелирует с более высокой интенсивностью лишений (39% в Таджикистане). В странах с относительно сбалансированной структурой бедности для ее снижения требуются интегрированные стратегии, направленные на улучшение доступа к медицинским услугам, повышение качества образования и модернизацию базовой инфраструктуры.

Оценка уязвимости к многомерной бедности позволяет выявить группы населения, которые рискуют оказаться в бедности. В этом плане Таджикистан выделяется как страна с наиболее острой ситуацией. Каждый пятый житель страны (20,1%) классифицируется как уязвимый к многомерной бедности. Кроме того, 0,7% населения Таджикистана живет в условиях серьезной многомерной бедности, тогда как в других странах региона этот показатель равен нулю. Высокий уровень уязвимости наблюдается также в Кыргызстане (5,1%). В Узбекистане (0,2%) и Туркменистане (0,3%), напротив, доля уязвимого населения очень низкая, что указывает на небольшой риск скатывания домохозяйств в многомерную бедность в ближайшем будущем (таблица 3). В странах с высоким уровнем уязвимости социальная политика должна быть направлена не только на поддержку уже бедных слоев населения, но и содержать превентивные меры социальной защиты для повышения устойчивости домохозяйств, находящихся на грани бедности.

Таблица 5

Сравнение доли многомерно бедных и монетарно бедных (%)

Страна	Многомерная бедность (доля, %)	Монетарная бедность (<\$3.00/день, %)
Казахстан	0.5	0.0
Кыргызстан	1.0	4.5
Таджикистан	7.4	13.3
Узбекистан	1.7	4.1

Источник: составлено автором на основе данных ПРООН.

Сравнение доли населения, живущего в условиях многомерной бедности, с долей населения, находящегося за чертой монетарной бедности (менее \$3 в день по ППС 2021 года), позволяет понять насколько полно денежные показатели отражают реальные лишения людей. Например, в Казахстане уровень многомерной бедности (0,5%) превышает уровень монетарной бедности (0%). Это показывает, что даже люди с доходом выше абсолютной черты бедности могут страдать от немонетарных лишений, особенно в сфере здравоохранения.

В Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане наблюдается обратная тенденция – доля многомерно бедных значительно ниже доли монетарно бедных (таблица 5). Это может указывать на то, что домохозяйства с низкими доходами имеют доступ к недоходным ресурсам, таким как государственные услуги в сфере образования и здравоохранения, которые смягчают некоторые формы лишений и предотвращают попадание этих семей в категорию многомерно бедных. Соответственно, монетарные показатели не отражают полной картины лишений. Сочетание монетарного и многомерного подхода позволяет глубже понять аспекты бедности и выработать адресные меры социальной политики.

В целом, достигнутая положительная динамика в снижении показателей бедности стала возможной благодаря переходу стран Центральной Азии к системным мерам социальной поддержки и внедрению новых инструментов государственного регулирования. Вместе с тем, страны региона выработали дифференцированные подходы в борьбе с бедностью.

В Казахстане программы сокращения бедности включают адресную социальную помощь (АСП), пособия многодетным семьям, гарантированный социальный пакет (ГСП) для детей, а также комплексные программы повышения доходов населения, направленные на стимулирование занятости и улучшение социальной поддержки населения.

Главным инструментом поддержки малообеспеченных семей в Казахстане является АСП, включающая безусловную денежную помощь семьям, у которых нет трудоспособных членов, и обусловленную денежную помощь семьям, имеющим трудоспособных членов, с требованием обязательного их участия в мерах содействия занятости для получения пособия. К назначенной сумме пособия на ежемесячной основе выплачивается дополнительная сумма в размере 1,5 месячного расчетного показателя на каждого ребенка в возрасте от 1 года до 6 лет (5538 тенге в 2024 г.). Наряду с этим, ГСП для детей из числа малообеспеченных семей в возрасте от 1 до 18 лет, предусматривает бесплатное питание по месту обучения, льготный проезд на городском общественном транспорте, обеспечение школьными формой и принадлежностями, а для детей дошкольного возраста – обеспечение продуктовыми наборами и гигиеническими принадлежностями. В 2024 г. АСП получили 413,7 тыс. чел. из 78,1 тыс. семей на общую сумму 39,5 млрд тенге. В результате 50,9 тыс. семей вышли из состояния бедности (Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, 2025а).

Для проактивного назначения мер государственной поддержки с 1 января 2023 г. запущена цифровая карта семьи (ЦКС), посредством которой назначаются 11 видов пособий и социальных выплат без каких-либо заявлений. Главной целью внедрения ЦКС является обеспечение равного доступа казахстанцев к системе государственной поддержки. Благодаря внедрению ЦКС с начала года 463,3 тыс. чел. получили SMS для проактивного предоставления государственных услуг в социально-трудовой сфере. При этом возможностью беззаявительного получения пособия или выплаты воспользовались более 246,4 тыс. чел. (Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан, 2025b).

В Кыргызстане меры сокращения бедности включают социальные пособия, проекты поддержки занятости и развития села, инициативы по улучшению социальной поддержки, включая создание карты бедности с акцентом на адресную помощь и цифровизацию.

Адресная социальная помощь включает выплату пособия «Уй-булого комок» (назначается детям до 16 лет из малообеспеченных семей), единовременную выплату при рождении каждого ребенка («балага суйунчу»), а также программу «Бала Береке», предусматривающую единовременные выплаты для многодетных матерей в высокогорных и труднодоступных зонах.

Важным инструментом государственной политики преодоления бедности в Кыргызстане служит национальная программа «Социальный контракт», целями которой являются стимулирование нуждающихся семей к активным действиям для преодоления трудной жизненной ситуации, изживание их иждивенческого настроения, развитие микропредпринимательства, а также создание новых рабочих мест в регионах. Суть программы заключается в предоставлении денежных средств целевой группе населения для организации доходоприносящей деятельности (150 тыс. сомов) с обязательным обучением грантополучателей основам предпринимательства и оказанием консультационной поддержки в вопросах маркетинга, финансовой и цифровой грамотности (Абдиева и Полотова, 2024). В 2022-2024 гг. в рамках этого проекта было выделено 3,3 млрд из республиканского бюджета для 32226 семей, а также дополнительно 3 тыс. семей были охвачены Всемирным банком. В результате были реализованы бизнес-программы для 35226 семей и улучшены условия жизни более 190 тыс. чел. (Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики, 2025).

Государственная политика по сокращению бедности в Таджикистане направлена на достижение стратегической цели – снижение уровня бедности до 10%, обозначенной в «Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года». Ключевые меры в этом направлении включают социальную поддержку и выплаты, развитие предпринимательства и международное сотрудничество.

С целью поддержки малоимущих граждан и обеспечения их социальной защиты в Таджикистане реализуется программа адресной социальной помощи. Размер ежегодного адресного пособия для малоимущих семей с 2025 г. составляет 11 базовых расчетных показателей (ПДР), что эквивалентно 825 сомони в год. Дополнительно, на каждого ребенка до 16 лет, а также семьям с двумя и более инвалидами или пожилыми старше 80 лет, назначается еще по 2 ПДР (144 сомони), и по 1 ПДР (72 сомони) на каждого ребенка. В 2025 г. объем финансирования малоимущих семей (222903 семьи) в рамках программы составил 273,2 млн. сомони. Для оказания действенной социальной поддержки в стране были созданы 5 региональных центров адресной социальной помощи, сформирован единый национальный реестр малоимущих семей и внедрена электронная системы АСИСТ (Министерство здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан, 2025).

Активную поддержку в борьбе с бедностью Таджикистану оказывают международные финансовые институты. В частности, в августе 2025 г. Всемирным банком был одобрен грант в \$50 млн для программы «Поддержка политики устойчивого развития – Конкурентоспособный и инклюзивный Таджикистан», нацеленной на поддержку программ реформ страны (World Bank, 2025g).

В Узбекистане борьба с бедностью возведена в ранг государственной политики. В стране реализуются комплексные меры по сокращению бедности, включая программу «От бедности к благополучию», выделение земли для семей, развитие микрокредитования и сельского хозяйства, поддержку предпринимательства через льготы, обучение, создание рабочих мест, а также адресную социальную помощь и интеграцию занятости в систему махалли. Действующие в каждом районе и городе центры «Инсон», оказывают более 100 видов социальных услуг на основе принципа «одно окно». Специализированные системы учета и социальной защиты – «Железная», «Женская», «Молодежная» тетради, а также «Тетрадь милосердия» направлены на оказание адресной помощи уязвимым слоям населения.

Комплексная программа «От бедности к процветанию» реализуется на основе принципа «Семь возможностей и ответственность для бедных семей», предусматривающего стабильную занятость и достижение получения высокого дохода, получение образования и овладение профессией, доступ к гарантированному государственному медицинскому обслуживанию и социальным услугам, улучшение условий жизни, развитие государством инфраструктуры махаллей и прямой диалог с работниками государственных органов. В частности, программой предусмотрено предоставление в аренду бедным семьям дополнительно 50 тыс. гектаров посевных площадей, доведение до 80% уровня охвата детей из бедных семей дошкольным образованием, создание возможностей для прохождения каждым членом бедных семей полного медицинского осмотра один раз в год, расширение доступа к ипотечной системе и установление госорганами регулярной прямой связи с бедными домохозяйствами (Указ Президента Республики Узбекистан от 23.09.2024 г. № УП-143).

Реализация программы в 2025 г. позволила обеспечить постоянной занятостью членов более 270 тыс. малообеспеченных семей. Социальная поддержка и услуги были оказаны 2,7 млн граждан. Кроме того, проведена масштабная работа по улучшению инфраструктуры: 470 тыс. домохозяйств получили доступ к водоснабжению для полива приусадебных участков, а в 790 тыс. домов была модернизирована система энергоснабжения. С целью расширения участия женщин в общественной жизни выделены значительные средства на развитие женского предпринимательства (\$1,5 млрд в 2024 г.). В результате в 2025 г. из состояния бедности вышли 302 тыс. нуждающихся семей, а 1435 махаллей превратились в «территории, свободные от бедности» (Президент Республики Узбекистан, 2025b).

Для улучшения поддержки социально уязвимых слоев населения в 2026 г. будет создан Социальный реестр на основе Единого реестра социальной защиты и Реестра малоимущих семей. Семьи в этом реестре будут классифицироваться по их социально-экономическому статусу, что позволит применять целенаправленные меры поддержки и социальные услуги, адаптированные к каждой категории, включая семьи, получающие государственную помощь, семьи с низким доходом и семьи, находящиеся на грани бедности. Поддержка будет предоставляться с учетом дифференцированного подхода, принимая во внимание уровень дохода и возможности трудоустройства, при этом определенные категории семей с инвалидностью будут получать социальную помощь без обязательных требований к трудоустройству. Включенные в Социальный реестр семьи получают меры по увеличению дохода, социальные услуги в сфере здравоохранения, занятости и жилья, а также вовлечение трудоспособных членов семьи в трудовую деятельность и предпринимательство (Президент Республики Узбекистан,

2025с). Продолжение системной работы в данном направлении позволит Узбекистану полностью искоренить абсолютную бедность к 2030 году.

Всемирный банк в своих исследованиях уровня благосостояния в Центральной Азии выделяет ряд системных вызовов, сдерживающих прогресс в сокращении бедности:

1. Основными барьерами в Казахстане выступают высокая сырьевая зависимость экономики и выраженная региональная дифференциация доходов. Неравномерный доступ к качественному образованию в разрезе регионов и уязвимость перед климатическими потрясениями создают риски консервации бедности в отдельных областях страны.

2. Дальнейшее сокращение бедности в Кыргызстане осложняется чувствительностью экономики к импортируемой инфляции и высокой зависимостью домохозяйств от трансфертов трудовых мигрантов. Ситуацию усугубляют дефицит качественных рабочих мест в регионах, значительный разрыв в уровне жизни между городом и селом, а также подверженность аграрного сектора климатическим рискам.

3. В Таджикистане ключевой проблемой остается низкая эластичность занятости по отношению к экономическому росту: на каждый процент прироста ВВП количество рабочих мест увеличивается лишь на 0,2%. Ограниченные возможности трудоустройства, особенно среди женщин, дополняются дефицитом навыков, не соответствующих требованиям современного рынка, а высокая климатическая уязвимость страны создает дополнительные угрозы для благополучия населения.

4. Процесс сокращения бедности в Узбекистане сталкивается со структурными вызовами, вызванными адаптацией экономики к дефициту энергии и водных ресурсов в условиях высокого демографического давления. Значительная доля неформальной занятости и ограниченная эффективность использования трудовых ресурсов в частном секторе сдерживают рост реальных совокупных доходов населения в условиях глубоких структурных преобразований.

Таким образом, для обеспечения устойчивого прогресса в сокращении бедности государствам региона необходимо перейти от модели пассивного перераспределения ресурсов к политике стимулирования продуктивной занятости. Ключевой акцент должен быть сделан на цифровизации социальной помощи, устранении образовательного неравенства и повышении климатической устойчивости аграрного сектора.

Выводы и предложения.

Сравнительный анализ монетарной и многомерной бедности в Центральной Азии указывает на в целом благоприятную тенденцию к сокращению бедности в регионе, хотя существуют значительные различия в результатах и факторах, способствующих этому. Многие страны добились существенного сокращения монетарной бедности, чему способствовали рост трудовых доходов, приток денежных переводов и целенаправленные социальные трансферты. Однако, эти достижения подвержены внешним шокам, инфляционному давлению и присущим рынкам труда недостаткам.

Оценка многомерной бедности дает больше информации о качестве и инклюзивности усилий по борьбе с бедностью. Несмотря на низкие общие значения индекса многомерной бедности в ряде стран, сохраняются определенные лишения, особенно в сельских регионах и среди групп населения, подверженных риску. Недостатки в качестве жилья, водоснабжении и канализации, а также доступности медицинских и образовательных услуг препятствуют развитию человеческого потенциала, даже для домохозяйств, которые преодолели финансовые трудности. Это

несоответствие подчеркивает необходимость решения нефинансовых аспектов лишений в сочетании с ростом доходов.

Исходя из результатов исследования, можно предложить ряд рекомендаций. Программы по сокращению бедности должны использовать целостный подход, который напрямую связывает экономическое развитие с улучшением образования, здравоохранения и условий жизни. Расширение доступа к качественным государственным услугам имеет решающее значение для предотвращения возвращения домохозяйств к бедности во время экономических спадов.

Во-вторых, политика на рынке труда должна уделять особое внимание созданию производительных и формальных рабочих мест, особенно в несельскохозяйственных отраслях. Улучшение развития навыков и приведение образовательных систем в соответствие с требованиями рынка труда могут усилить эффект экономического роста в плане сокращения бедности.

В-третьих, необходимо улучшить и более точно нацелить услуги социальной защиты, используя обновленные реестры бедности и многомерную диагностику для эффективного охвата уязвимых групп населения. Адаптивные стратегии социальной защиты особенно важны в свете обострения климатических и экономических угроз.

Наряду с этим, необходимо улучшить региональное сотрудничество в стандартизации данных и оценке бедности. Точные и оперативные статистические данные как о монетарной, так и о многомерной бедности необходимы для планирования на основе фактических данных и оценки прогресса в достижении целей устойчивого развития.

В целом, хотя Центральная Азия добилась значительных успехов в сокращении бедности, продолжение и усиление этих достижений будут зависеть от способности национальных правительств бороться со структурным неравенством и многомерными лишениями. Для достижения инклюзивного и устойчивого развития во всем регионе необходима справедливая и всесторонняя система мер по борьбе с бедностью.

Литература/References:

Abdurakhmanov, K., et al., (2024b) 'Empirical analysis of poverty dynamics in Central Asia: Unraveling the vicious circle of systemic factors and policy implications', *Review of SDGs in Emerging Countries*, 6. Available at: <https://doi.org/10.37497/2965-7393.sdgs-countries.v6.n00.55>

Abdurakhmanov, K., Zokirova, N. and Sharipov, R. (2024a) 'Socio-economic factors influencing the level of welfare of the population in Central Asia', *Revista Gestão & Tecnologia*, 24(1). Available at: <https://doi.org/10.20397/2177-6652/2024.v24i1.2738>

Center for Economic Research and Reforms (CERR) (2025) *Анализ уровня бедности и доходов населения в Узбекистане по итогам 2025 года*. Available at: <https://review.uz/post/analiz-urovnya-bednosti-i-doxodov-naseleniya-v-uzbekistane-po-itogam-2025-goda-infografika> (accessed: 02 January 2026).

Kurbanova, M. (2022a) 'Does demographic transition reduce poverty in Central Asia?', *Journal of Eurasian Economies*, 1, pp. 105–120. Available at: <https://doi.org/10.36880/j01.1.0105>

Kurbanova, M. (2022b) 'The impact of the demographic transition on poverty reduction in Central Asia', *Eurasian Journal of Regional and Geographical Studies*, 8, pp. 1–15. Available at: <https://doi.org/10.14232/eucrg.2022.8>

Kurbanova, M. (2024) *Demographic Dividend in Central Asia*. PhD dissertation. Available at: <https://doi.org/10.14267/phd.2024046>

Mirzabaev, A., et al. (2023) 'The impact of land degradation on agricultural profits and implications for poverty reduction in Central Asia', *Land Use Policy*, 132. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2022.106530>

Nowak, A. (2020) 'Inclusive growth in the fastest-growing Asian countries', *Studia Politicae Universitatis Silesiensis*, 26(3), pp. 109–128. Available at: <https://doi.org/10.19195/2658-1310.26.3.6>

Omir, S., Turekulova, A. and Zhanakova, N. (2024) 'Poverty analysis in Kazakhstan: identification and assessment of the shortage of cash income of the population', *Statistics, Accounting and Audit*, 4, pp. 10–20. Available at: <https://doi.org/10.51579/1563-2415.2024.-4.10>

Oxford Poverty and Human Development Initiative (OPHI) (2025) What is the global Multidimensional Poverty Index (MPI)? Available at: <https://ophi.org.uk/what-global-mpi> (accessed: 02 January 2026).

Pritvorova, T., Tasbulatova, S. and Petrenko, M. (2023) 'Measurement of absolute monetary poverty in Kazakhstan: a system of indicators and its actualization options', *Bulletin of the Karaganda University. Economy Series*, 2, pp. 90–101. Available at: <https://doi.org/10.31489/2023ec2/90-101>

United Nations Development Programme (UNDP) (2025) MPI 2025 Country Notes. Available at: <https://hdr.undp.org/mpi-2025-country-notes> (accessed: 02 January 2026).

Usmanova, A. (2023) 'The impact of economic growth and fiscal policy on poverty rate in Uzbekistan: application of neutrosophic theory and time series approaches', *International Journal of Neutrosophic Science*, 21(2), pp. 210–220. Available at: <https://doi.org/10.54216/ijns.210210>

World Bank (2025a) June 2025 Update to Global Poverty Lines. Available at: <https://www.worldbank.org/en/news/factsheet/2025/06/05/june-2025-update-to-global-poverty-lines> (accessed: 02 January 2026).

World Bank (2025b) World Bank Country and Lending Groups. Available at: <https://datahelpdesk.worldbank.org/knowledgebase/articles/906519-world-bank-country-and-lending-groups> (accessed: 02 January 2026).

World Bank (2025c) Poverty & Equity Brief: Kazakhstan. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099644504212516788/pdf/IDU-66abcca0-b9e4-416a-a15e-c700cac255d6.pdf> (accessed: 02 January 2026).

World Bank (2025d) Poverty & Equity Brief: Kyrgyz Republic. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099646304212527655/pdf/IDU-c7f91d69-f834-4c3b-9695-ef5b337cf5a8.pdf> (accessed: 02 January 2026).

World Bank (2025e) Poverty & Equity Brief: Tajikistan. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099505004222529761/pdf/IDU-d72e8564-7d6e-4728-8261-ad1bc5e1fc49.pdf> (accessed: 02 January 2026).

World Bank (2025f) Бедность в Таджикистане сокращается, но создание новых рабочих мест и неравенство остаются ключевыми вызовами. Available at: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2025/09/22/tajikistan-reduces-poverty-but-job-creation-and-inequality-remain-key-challenges> (accessed: 02 January 2026).

World Bank (2025g) World Bank supports Tajikistan's aspiration for boosting private sector growth and enhancing public sector efficiency. Available at: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2025/08/07/world-bank-supports-tajikistan-s-aspiration-for-boosting-private-sector-growth-and-enhancing-public-sector-efficiency> (accessed: 02 January 2026).

World Bank (2025h) Poverty & Equity Brief: Uzbekistan. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099638104212531827/pdf/IDU-ce8e75a0-8938-429b-9d85-765d7d9bd950.pdf> (accessed: 02 January 2026).

Yeskendir, A., Berstembayeva, G. and Moldashbayeva, K. (2024) 'Working poverty in Kazakhstan: causes and solutions', *Bulletin of the Karaganda University. Economy Series*, 4, pp. 110–118. Available at: <https://doi.org/10.31489/2024ec4/110-118>

Абдиева, А.И. и Полотова, Ж.А. (2024) Политика системного сокращения бедности и роль авторитетного государства, *Экономика и бизнес: теория и практика*, 9–2(115).

Доступно на: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-sistemnogo-sokrascheniya-bednosti-i-rol-avtoritetnogo-gosudarstva> (дата обращения: 02 января 2026 г.).

Аржаев, Ф.И., Андрюхин, В.Ю. и Сапрынская, Д.В. (2022) 'Теоретические основы моделирования системной бедности на примере Центральной Азии', Вестник МГИМО-Университета, 6, pp. 87–111. Available at: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-86-111>

Бердиклиев, Д. и Уочи, И. (2025) Бедность в Узбекистане: цифры, тенденции и вызовы. *Gazeta.uz*. Доступно на: <https://www.gazeta.uz/ru/2025/08/23/poverty/> (дата обращения: 02 января 2026 г.).

Бюро национальной статистики Республики Казахстан (2025) Основные показатели дифференциации доходов населения Республики Казахстан (I квартал 2025 г.). Доступно на: <https://stat.gov.kz/ru/industries/labor-and-income/stat-life/publications/458060/> (дата обращения: 02 января 2026 г.).

Кабжалялова, М. (2023) Каковы реальные масштабы бедности в Казахстане и как с ней бороться? Алматы: Halyk Finance. Доступно на: <https://halykfinance.kz/download/files/analytics/poverty.pdf> (дата обращения: 02 января 2026 г.).

Министерство здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан (2025) Адресная социальная помощь. Доступно на: <https://moh.tj/ru/adresnaya-sotsialnaya-pomoshh-2/> (дата обращения: 02 января 2026 г.).

Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан (2025a) Более 413 тыс. человек оказана адресная социальная помощь в 2024 году. Доступно на: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/919562?lang=ru> (дата обращения: 02 января 2026 г.).

Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан (2025b) Более 246 тыс. человек получили госуслуги благодаря ЦКС с начала года. Доступно на: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/press/news/details/1115783?lang=ru> (дата обращения: 02 января 2026 г.).

Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики (2025) Сумма социального контракта увеличена до 150 тыс. сомов. Доступно на: <https://mlsp.gov.kg/ru/2025/04/01/ministr-truda-summa-sotsialnogo-kontrakta-ivelichena-do-150-tys-somov/> (дата обращения: 02 января 2026 г.).

Национальный статистический комитет Кыргызской Республики (2025) В 2024 году в Кыргызской Республике отмечено снижение уровня бедности. Доступно на: <https://stat.gov.kg/ru/news/v-2024-godu-v-kyrgyzskoj-respublike-otmecheno-snizhenie-urovenya-bednosti/> (дата обращения: 02 января 2026 г.).

Президент Республики Узбекистан (2025a) Президент Шавкат Мирзиёев: 2026 год станет переломным в развитии всех сфер. Доступно на: <https://president.uz/ru/lists/view/8833> (дата обращения: 02 января 2026 г.).

Президент Республики Узбекистан (2025b) Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на открытии III международного форума «От бедности к процветанию». Доступно на: <https://president.uz/ru/lists/view/8500> (дата обращения: 02 января 2026 г.).

Президент Республики Узбекистан (2025c) Рассмотрены вопросы расширения охвата социальных услуг в регионах и защиты детей. Доступно на: <https://president.uz/ru/lists/view/8793> (дата обращения: 02 января 2026 г.).

Указ (2024) Указ Президента Республики Узбекистан № УП-143 от 23.09.2024 О выведении на новый этап мер по сокращению бедности и повышению благосостояния населения. Доступно на: <https://www.lex.uz/ru/docs/7109950> (дата обращения: 02 января 2026 г.).